
ДУХОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЛЮБВИ
В РУССКОМ ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ
И В СТИХОТВОРЕНИИ А.С. ПУШКИНА
«Я ВАС ЛЮБИЛ»

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

В русском философском дискурсе любовь трактуется как ценностное отношение, как отношение к ценности вообще или к ценности предмета любви.

При этом предполагается, что любовь это есть стремление и способность к тому, чтобы вместить нечто в сознание, душу, в состав личности, в личностное бытие субъекта, ср.: «Существенная сторона любви состоит в том, что любимое включается мною в состав моей сущности, становится онтологически спаянным с моим «я» и моей жизнью» [Лосский 2000, с. 428]. Заметим, что, по мнению философа, «при этом возникает расширение „я“» [Лосский 2000, с. 429]. Более того, как отмечает С. Франк, «вся многообразная полнота сущего приемлется любовью» [Франк 1991, с. 412], т. е. через любовь человек приобщается к объемлющему его бытию.

В этой связи И. Ильин писал о любви как о возможности «уходить из своей малой личной оболочки в светлые пространства Божьи» [Ильин 1994, с. 399]. Еще более определенно утверждение С. Франка о том, что любовь — «сила, открывающая душу и дающая ей созна-

вать себя не как «монаду без окон», но как исконный и неотрывный член всеобъемлющего единства» [Франк 1991, с. 412].

Наконец, любовь направлена на конкретный предмет, конкретное лицо в его своеобразии и незаменимости: «Любовь всегда и необходимо направлена на конкретно существе, есть восприятие ценности конкретного существа, именно в его конкретном, т. е. индивидуальности» [Франк 1991, с. 408]. причем, замечает философ, любовь «в своеобразии каждого... видит нечто ценное, недостающее другим и их восполняющее» [там же]. Именно так, по словам Н. Бердяева, «любовь решает проблему перехода одного существа к другому и всему миру, выхода из своей ограниченности и оторванности» [Бердяев 1991, с. 243].

Для русского культурного сознания весьма характерно понимание взаимной любви как взаимного восполнения. Об этом в свое время писал В. Соловьев: «Самое глубокое и интенсивное проявление любви выражается во взаимоотношении двух восполняющих друг друга существ» [Соловьев 1991, с. 67]. Спустя десятилетия на вопрос, что имеет вечное значение в любви, Вышеславцев отвечал: «Вечное значение имеет только гармония двух взаимно восполняющих индивидуальностей» [Вышеславцев 1990, с. 406].

Таким образом, в целом любовь, как утверждает С. Франк, дает возможность «душе открыться, расшириться, внутренне расцвести, просветлеть», любовь «есть сила, преодолевающая ограниченность, замкнутость, отъединенность» [Франк 1991, с. 411–412]. Одной из важнейших интенций, сопровождающих любовь, является стремление к осуществлению ценности, о чем Н. Лосский пишет: «Основное стремление, вытекающее из любви, есть забота о полноте жизни и раскрытии активности любимого существа» [Лосский 2000, с. 436]. Для антропологической семантики русского культурного сознания характерны следующие представления: человек сознательно и неосознанно стремится преодолеть узость, ограниченность, частичность своего существования, и потому он стремится найти, усмотреть то, что раскрывает полноту бытия, стремится вместить ее, стать причастным ей, найти то или того, что или кто восполняет его существование; человек стремится пережить и само чувство полноты бытия.

Доминирует здесь интенция к восполнению личности и ее общению к полноте бытия. По-видимому, в семантической структуре ценностного отношения, как оно толкуется в русской культурной семантике, эта интенция может быть признана первичной. Ею обус-

ловлены некоторые вторичные интенции, в первую очередь к усмотрению (поиску, обнаружению) того, что являет полноту бытия, во-вторых, к осуществлению через деятельность и творчество полноты бытия некоего предмета

Специфичность ценностного интенционального отношения любви в русской культурной семантике обусловлена, во-первых, его соотносительностью с представлением о полноте бытия, которая здесь мыслится по отношению к высшему пределу — к Абсолютной полноте бытия, в связи с чем любовь приемлет «многообразную полноту сущего», любящий сознает себя как «член всеобъемлющего единства», через любовь личность переходит «к другому и всему миру», ощущает «отнесенность ко всей картине», «принадлежность ко всей вселенной». Во-вторых, любовь здесь связана с духовным переживанием «расширения «я»», расширения души. В-третьих, любовь мыслится как взаимное восполнение субъекта и предмета любви. Наконец, в-четвертых, любовь здесь связывается с деятельностью, направленной на обеспечение полноты бытия и раскрытия активности ее предмета, связанной с осуществлением того, что, являясь предметом любви, становится ценностью, с утверждением этой ценности, с обеспечением полноты бытия этой конкретной ценности.

Даже если каждое из этих положений может быть отнесено к общечеловеческим представлениям, их система, их взаимосвязь на основе признака полноты бытия, их обоснование через этот признак и, наконец, их осознание в данном обосновании и взаимосвязи являются, безусловно, достоянием русской культурной семантики.

Для русской культурной семантики характерна соотносительность любви с другим интенциональным ценностным отношением — ответственностью [см.: Ильин 1994, с. 406].

Развивая аналогичные идеи, М. Бахтин в «Философии поступка» писал: «сам ответственно поступающий... ясно видит и этих индивидуальных единственных людей, которых он любит, и небо, и землю, и эти деревья, и время, вместе с тем ему дана и ценность, конкретно, действительно утвержденная ценность этих людей, этих предметов, он интуитивно и их внутренние жизни и желания, ему ясен и действительный и должный смысл взаимоотношений между ним и этими людьми и предметами — правда данного обстоятельства — и его долженствование поступочное... действительное конкретное долженствование, обусловленное его единственным местом в данном контексте».

сте события, — и все эти моменты даны и заданы ему в едином свете, едином и единственном ответственном сознании, и осуществляются в едином и единственном ответственном поступке» [Бахтин 1986, с. 104].

Таким образом, ответственность, по Бахтину, есть деятельностный аспект интенционального ценностного отношения, это, иначе говоря, любовь, взятая в аспекте поступающих сознания, воли, действия, устремленных к осознанию и осуществлению ценности некоего предмета, его полноты, богатства, новизны, неповторимости, незаменимости, единственности, сопровождающихся осознанием того, что «моя единственность делает возможным и единственное и незаменимое действие мое по отношению ко всему, что не есть я... Это только я могу для него сделать в данный момент во всем бытии» [Бахтин 1986, с. 113].

Толкование любви в соотнесении с ответственностью и ответственности как деятельностного, «поступочного» аспекта любви, связанного с осуществлением полноты бытия ее предмета являются характерной особенностью русской культурной семантики.

Творчество Пушкина сыграло основополагающую роль в формировании ценностной семантики русской культуры, в особенности это касается соответствующего культурного концепта («любовь»), семантики данного ценностного отношения.

Стихотворение «Я вас любил» отличается от многих тематически близких к нему практически полным отсутствием в нем конкретной референтной отнесенности, здесь наиболее явно отразилась отмеченная Л. Гинзбург особенность «поздней, наиболее зрелой» лирики Пушкина, в которой и авторский образ, и отображаемые переживания становятся более обобщенными (но, конечно, не абстрактными), в которой их «конкретность из плана биографического, фактического... переключилась в план философский и психологический» [Гинзбург 1964, с. 222].

Последнее, собственно, и делает этот текст особенно показательным и интересным для исследования, опирающегося на опыт философской рефлексии относительно ценностной семантики. Не случайно этот текст привлек в свое время внимание С.Л. Франка, писавшего о нем: «Это стихотворение, быть может, одно из наиболее нравственно возвышенных в мировой лирике» [Франк 1990, с. 479]. Забегая вперед, отметим, что явленное в нем, по словам С. Франка, духовное

преображение безответной любви [Франк 1990, с. 479] практически реализует еще одно философское определение В. Соловьева: «Смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма» [Соловьев 1991, с. 32].

Подобная формулировка, представляется, и могла появиться в рамках той культурной традиции, где есть такой текст, как данное стихотворение Пушкина, в котором дается по сути нормативный образец динамики развития ценностного отношения любви в условиях катастрофической для него экзистенциальной коллизии, образец нравственного и духовного преодоления этой коллизии, преодоления, связанного с расширением интенционального горизонта.

Дальнейший анализ данного текста осуществляется с учетом опыта истолкования ценностного отношения любви в русской философской традиции. Рассмотрим феномен внутритекстового мира, то феноменальное пространство, в котором разворачивается динамика ценностного отношения. Пространственные представления в стихотворении формируются с опорой на оппозицию внешнего и внутреннего. Внутреннее пространство в данном тексте — это сфера души: именно в ней любовь «угасла не совсем». О внешнем пространстве можно говорить, начиная с истолкования высказывания «Я не хочу печалить вас ничем».

Что значит в данном контексте «ничем»? — Всем, всеми действиями, качествами, проявлениями. Но этим можно печалить, если это «всё» выявлено вовне, явлено как реакция, действие, реплика, если оно «овнешнено», стало доступным восприятию другого, приобрело внешнюю реальность вне субъекта.

В противоположность этому душа, где до конца так и не угасла любовь, строго связана с внутренним. Именно поэтому можно утверждать, что если любовь еще угасла не совсем в душе, то она может не тревожить: оставаясь во внутреннем, она не переходит во внешнее, не касается вас. Таким образом, любовь предстает существующей в двух пространствах: внутреннем (душа) и внешнем (пространство межличностных связей, отношений, проявлений). Коллизия данного текста в напряженном несоответствии этих двух пространств.

Внешнее пространство оказывается закрытым для любви. Не имея возможности выйти во внешнее пространство, любовь, действительно, в тривиальном случае должна была бы просто угаснуть.

В данном тексте любовь из внешнего пространства как бы возвращается во внутреннее. Погружаясь в него, она теряет жар и свечение, становится неощутимой для внешнего, угасает. Предполагается ли, что она уйдет в небытие, угаснет и во внутреннем пространстве? Если да, то внутреннее (душа) должна явить себя опустошенной, либо должна «сократиться», чтоб не оставить в себе места для любви. Но так ли это? Не становимся ли мы свидетелями иного — расширения и углубления внутреннего пространства, обретения в этом расширенном пространстве свободы и вместе с тем обретения подлинного места обитания для любви, в свою очередь приобретшей черты большей глубины и подлинности?

Ответить на эти вопросы можно, осмысляя характер ценностного отношения (любви) в разных пространствах. Во внешнем это отношение как к ценности к самой связи между «Я» и «Вы».

Когда в данном тексте чувство характеризуется «любил так искренно, так нежно», это характеристика внутреннего переживания. Поэтому она континуальна, она может быть соотнесена с любым этапом разворачивающихся отношений: еще до попыток проявить свои чувства, и в те сложные моменты, когда появляются безнадежность, робость, ревность, и в еще более драматичные минуты, когда становится ясным, что любовь тревожит, что все печалит, и тогда, когда любовь уходит в глубину души и отрекается от всего внешнего.

Но и будущее открыто для этого качества переживания, иначе не появились бы слова «как дай вам Бог любимой быть другим».

Более того, эта ценность такова, что связь с нею той, кого любили, любят, могут любить так искренно, так нежно, представляется столь важной, что уже несущественно, кто, «Я» или другой дарует ей эту ценность. Главное, чтоб она хоть когда-нибудь ею обладала. Так можно интерпретировать внутреннюю мотивацию появления последней строки стихотворения.

Здесь проявляется то свойство любви, которое более всего присуще ей во внутреннем ее переживании: любовь альтероцентрична, т. е. центр она усматривает в другом, и другой, тот, кого любят, не предмет (ОНО) и даже не партнер или адресат (ТЫ), но тот, кого воспринимают и переживают с такой же полнотой, как «Я». Ценностью для личности при этом является не связь с той, кого любит «Я», не связь присваивающая, не связь, удовлетворяющая стремление обладать предметом любви. Ценностью оказывается личность той, кого любят,

ее свободное и полноценное бытие в любви. Ценностью оказывается не «любовь для себя» а любовь для того, кого любят.

О внешнем мире отношений и связей можно судить, рассматривая те единицы, которые характеризуют ситуации: «безмолвно, безнадежно, робость, ревность, тревожить, печалить».

В первой строфе отражен финал отношений. К началу их автор возвращает нас во второй строфе. Что значит «любил безмолвно»? Очевидно, не выражая признаний. Но в мире внешних отношений любовь естественно предполагает стремление любящего к тому, чтобы признаться.

Текст не дает оснований утверждать, что его герой с самого начала не стремился к этому. Но если стремился, а, может быть, даже и пытался признаться, а затем должен был замкнуться в безмолвии, стало быть, это признание, а скорее, самый намек на его возможность отвергается, или на него субъектом (с учетом соответствующих обстоятельств) накладывается внутренний запрет.

Здесь первый конфликтный узел, предопределяющий дальнейшее развитие сюжета. Тот, кто любил так искренно, так нежно внутри себя, попытался вынести это в мир внешних отношений, признаться, и был не только отвергнут, но и на возможность дальнейших попыток признания был наложен запрет. Он должен любить безмолвно. С самого начала развития внешних отношений ему приходится вернуться к внутреннему переживанию, из линейного времени уйти во вневременное состояние. Еще отчетливее об этом свидетельствует слово *безнадежно*. Надежда — естественная презумпция зарождающейся любви. Надежда — это ожидание желаемого, стремление к тому, чтобы оно осуществилось, надеющийся предполагает в будущем лучшее и очень хочет, чтобы вероятность его была как можно выше. Здесь это надежда на взаимность, разделенность чувства и т. п., это надежда на то, что у любви есть будущее.

Чтобы любовь стала безнадежной, должно произойти что-то, очень решительно лишаящее любящего надежды. Та, кого любят, лишает будущего отношения с ней во внешнем мире. Любовь вновь должна вернуться во внутреннюю сферу. Но сможет ли она возрастать во внутреннем пространстве, во внутреннем переживании, если она полностью лишена подкреплений извне? Ведь любящий остро переживает свою неполноту, частичность своего существования, переживает потребность в дополнении своей частичности другим

существованием, которое тоже кажется ему неполным, частичным, нуждающимся в дополнении.

Если любовь его отвергнута, он возвращается к частичности своего существования. В таком существовании есть ущербность, а значит и обреченность.

Так возникает возможность появления мотива угасания. Здесь следующий узел сюжета. Любящему свойственно надеяться. Такова естественная презумпция. Во внешнем мире отношений, куда вырываются естественные проявления надежды, они наталкиваются на ответные знаки, говорящие: оставь надежду. Любовь возвращается во внутренний мир, какое-то время пребывает в нем, уже без надежды.

Во внешнем мире отношений возникают робость и ревность. Эти ситуации синтаксически перечисляются, связаны они разделительными отношениями, чем передается их эпизодичность и повторяемость.

Робость, очевидно, связана с тем, что некие проявления субъекта всякий раз наталкиваются на негативную реакцию, всякий контакт сопряжен для него с ожиданием такой реакции. Кроме того, робость, видимо, связана с тем, что субъект предполагает: его любовь будет отвергнута. Ожидание этого окончательного решения и вызывает робость, которую здесь можно истолковать как боязнь окончательной определенности. Следствие — угнетенное состояние еще до контакта, от которого все еще невозможно отказаться. Робость томит.

Ревность — еще более тяжелое и томительное переживание. Тут ситуация еще очевиднее: во внешнем мире отношений ему, любящему, предпочитается иной (или иные).

Собственно, на этом цепь ситуаций внешних отношений обрывается. Развитие внешних отношений явно заходит в тупик.

И как бы томительно ни было восприятие такого хода событий субъектом, есть здесь один позитивный момент: отношение к субъекту со стороны той, кого он любит, отличается определенностью. Почувствовав и оценив это, субъект и может изменить точку зрения: поместить фокус внимания не в центр внешних связей и отношений, а в центр переживаний той, кого любит. Становится возможным невозможное: его внутренний мир, расширившись, не просто включает ее мир в целом, но обретает сообщаемость именно с ее внутренним миром и именно тогда, когда внешние отношения уже полностью

исчерпаны. И субъекту становится ясным, каково же ее внутреннее отношение к нему и к его любви.

Любовь его тревожит. Ведь, очевидно, что если сказано «пусть больше не тревожит», значит, тревожила прежде и тревожит сейчас, а главное, может тревожить в будущем. Тревога от иных подобных переживаний (страх, беспокойство) отличается высокой степенью неопределенности причин данного чувства.

Если кто-то чем-то тревожит, фокус внимания того, кто тревожится, направлен на данную личность, ее поведение и переживания. Значит, особое внимание к субъекту было. И это субъект, почувствовав ее тревогу, распознал.

Чем же вызвана тревога? Когда по-русски говорят: «Не тревожь меня своей любовью», это может значить, что эта любовь все же находит, пусть слабый, ответ тогда, когда отвечать любовью почему-либо невозможно. И тут возникают противоречивые чувства: ответная любовь наталкивается на запрет, запрет сталкивается со всеми стремлениями и надеждами, свойственными взаимному чувству. Если даже нет ответного чувства, то для того, чтобы любовь тревожила, необходимо осознание тою, кого так любят, ценности его любви, ценности, вынужденно отвергаемой. Потому и тревожит её его любовь, почти разделенная и обреченная, представшая как несомненная ценность и лишенная будущего. И подтверждается это печалью. Она была, если сказано: «Я не хочу печалить вас ничем». Обычно печаль возникает, когда то, что представляло ценность, безвозвратно утрачивается. Тот, кто не хочет печалить ничем, печалит всем, всеми своими свойствами, всеми душевными движениями, всеми проявлениями.

Он почувствовал: невозможность единения во внешнем мире удивительным образом сочетается с тем, что его любовь и он сам, и, скорее всего, в первую очередь его внутренний мир, мир его души, — для нее несомненная ценность. Но связь ее с этой ценностью, не успев установиться, порывается. То, что могло для нее быть будущим, оборачивается утратой.

Печаль именно и связана с тем, что не имеет будущего, у чего нет уже подлинной действительности в настоящем, чье существование реально только в прошлом. Печаль и вызывается утратой, уже состоявшейся, и тогда она сочетается с болью и тоской по несбывшемуся, или только предполагаемой, но неизбежной, и тогда она сочетается с тревогой, с нарастающей мукой ожидания конца.

И тогда любящий, стесняемый несвободой и ощущающий такую же стесненность у той, кого любит, в этом мучительном состоянии делает для себя открытие, сколь простое теоретически, столь же трудное для исполнения: свободу можно обрести, только освобождая другого. И не просто открывает это для себя, но совершает прорыв к свободе. Нарушив требование безмолвия, он обращается к той, кого любит, со словами признания: «Я вас любил».

Сюжет, разворачивающийся в тексте, на самом деле завершается этим актом. Этот акт признания реализует ценностно-значимые интенции субъекта, рассмотрение которых позволяет более полно представить раскрывающееся в данном тексте ценностное отношение любви.

Обычно в любви признаются не так. Любовь живет в настоящем, хочет устремляться в будущее, прошлое для нее значительно менее актуально. Здесь же с первого значимого слова как бы подводится черта. Факт существования любви отнесен уже к прошлому. Этим странным признанием говорящий и нарушает имевший место запрет (требование безмолвия), и в то же время как будто делает успокаивающий жест: вам не о чем беспокоиться, это факт моего прошлого, к будущему, к вашему будущему это отношения не имеет.

Следующая фраза на первый взгляд как бы вырывается помимо воли. Она полна ограничительных оговорок: «еще, быть может, не совсем». Она противоречива: вроде бы в развитие первой фразы она говорит об угасании любви. Но оказывается, до настоящего момента («еще»), возможно, она и не угасла полностью. Значит, в душе она продолжает жить в настоящем и, угаснув не совсем, может иметь какое-то будущее. Но это будущее, имеющее отношение только к внутреннему миру (пребывающее в душе), с внешним миром связь порывается.

Это и есть настоящее признание, и, скорее всего, сделано оно вполне сознательно. Если б оно просто вырвалось, оно не было бы таким осторожным: ведь отрицается только то, что угасание завершилось («угасла не совсем»). Да и это представлено только как возможное: может быть так, но может быть и иначе.

Если эта любовь не представляет для нее ценности, она попросту может для себя отрицать возможность того, что любовь угасла не совсем, т. е. принять, что она угасла полностью. Но если эта любовь имеет для нее ценность, то эта ценность предоставляется ей как ее законное достояние, к которому можно всегда прибегнуть. Нечто по-

добное представлено в другом, по времени и обстоятельствам появления близком тексте Пушкина «Что в имени тебе моем»:

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя.
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

Итак, уже в первой фразе ей дана свобода: все, что связано с его любовью, все, что может коснуться ее в мире внешних отношений или коснуться ее внутреннего мира, отнесено в прошлое. Во второй фразе она получает возможность выбора признать или не признать незавершенность угасания любви, в зависимости от того, нужна ли она ей, ее душе, ее внутренней жизни, понадобится ли ей когда-либо почувствовать, что в этой любви она все еще может найти свет и тепло.

И поскольку этот свет и тепло остаются только в его душе, то и приобщиться к ним возможно только внутренне, скажем, в памяти о его любви, во внутреннем состоянии ее души, знавшей о его любви, в воспоминании о том состоянии, когда она чувствовала, что ее любят.

Так понятое в контексте целого высказывание: «Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем», — становится ключом к толкованию всех деталей данного речевого акта. Любовь как внутреннее переживание — та ценность, с которой есть связь и у того, кто любит, и у той, что любима, эта связь может сохраниться, и ее сохранение не стеснит свободы ни его, ни ее. Все же, что стесняет свободу, должно уйти.

Вот почему любовь, которая тревожила, отнесена с первых слов к прошлому. Вот почему следом идет изъявление воли: «Но пусть она вас больше не тревожит».

Показательно, что здесь, по сути, почти с первых слов его внимание как на главное направлено не на внешние отношения, а на ее внутреннее состояние, причем на самое сокровенное и существенное в нем — тревогу. И затем другое изъявление воли: «Я не хочу печалить вас ничем». Он знал, чем печалит: всем, что в нем для нее ценно, а главное, наверное, своей любовью, которая была ценностью, утраченной еще до ее обретения, и печалила, очевидно, особенно остро, потому что утрата была впереди. Любовь теперь в прошлом, утрачивать нечего. Печаль, которая до утраты могла обостряться, может смениться теперь, после утраты, другой печалью, тихой, слабеющей,

просветленной. Может быть, именно так: «я не хочу печалиться» и означает «не хочу, чтоб печаль оставалась столь острой, чтоб она нарастала». Здесь снова говорится о главном в ее внутреннем состоянии, тут опять стремление освободить от всего, что могло угнетать ее. Высказавшись, он освобождает ее от всего того, что, будучи связанным с его любовью, сковывало и угнетало: и от необходимости требовать безмолвия, вызывать робость и ревность, и от всего, что в нем и его любви тревожило и печалило. Тем самым он освобождает и себя: от безмолвия, от необходимости томиться робостью и ревностью, от надежды, а значит, и от безнадежности, но главное, от того, что он сам был тем, кто тревожит и печалит, от роли человека, сковывающего свободу той, кого любит. Теперь от всего этого свободны оба. Все внешнее и временное преодолено. Любовь осталась только внутренним достоянием. Ее свет и тепло остаются только в душе. Там-то полностью она еще не угасла. И возможность внутренне приобщиться к ней, почувствовать, что ее любят, у той, что была так любима, сохранилась. Потому и следует теперь, когда внешняя развязка состоялась, вернуться к тому, что было наиболее существенным свойством этой любви в ее внутреннем переживании: «Я вас любил так искренно, так нежно»...

И тогда любящему открывается: главная ценность, с которой был связан он и должна быть связана она — это такая любовь. Он связан с этой ценностью разорвать не может. Она может разорвать связь с ним. Но даже помыслить, что она не будет связана с ценностью любви, невозможно, потому что подлинное, полноценное, целостное бытие — это пребывание в любви. Пусть не он принесет это ей, главное, чтобы она обрела ту целостность и полноту бытия, которую может дать ей эта ценность любви.

И тогда так естественно душа, расширяясь, изъясляет свою последнюю волю: «Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим».

Здесь утверждается: выйдя за пределы эго, любовь обретает свободу от времени и детерминизма, обретает то инобытие, в котором свет любви уже не угасает, не может угаснуть, потому что любовь становится ценностью, не связанной исключительно с существованием эго.

Эго связано с любовью как с такой ценностью, которая должна сохраниться и тогда, когда эго не будет. Душа столь щедра, что эго

стремится, даже уходя из жизни (своей ли или из жизни той, кого любит), оставить после себя любовь, пусть и не связанную с ним.

Взятый в целостности, текст стихотворения «Я вас любил», для любящего и для той, к кому он обращен, является таким поступком, который дает возможность по-настоящему испытать пережитое, понять испытанное, пройдя испытание, осознать и обрести себя в новом качестве своего внутреннего я.

Направленность авторского интенционального синтеза здесь такова, что в тексте получает представление коллизия «безответной любви», которая в тривиальном случае разрешается таким образом, что соответствующее чувство угасает (если не переходит в свою противоположность), в нетривиальных же случаях возможны различные варианты трагического исхода. Эти версии были и остаются достаточно актуальными и для обыденного, и для культурного сознания.

Подобным версиям противопоставлен пушкинский текст. В нем нет отсылки к бытовому и культурному контексту, он не являет следов полемичности по отношению к тем или иным представлениям, тем не менее явленное в нем разрешение коллизии противоположно стандартным версиям, оно, пусть неявно, имплицитно их, и текст становится значимой репликой в культурной коммуникации.

Здесь всякий раз возникает значимый сдвиг в представлении. Так, коллизия, которая в соответствии с фабулой первоначально предстает как невозможность установления внешних отношений и связей, благодаря расширению интенционального горизонта и включению в него внутреннего мира предмета ценностного отношения раскрывается как неоднозначное, противоречивое отношение, присущее той, кого любит субъект. В нем есть интуиция ценности чувства субъекта и значимости его личности в условиях невозможности дать ход ответному чувству.

Соответствующий сдвиг происходит и в представлении предмета ценностного отношения: первоначально это взятый извне бенефициант эмоционального отношения любви и в то же время контрагент в сфере внешних отношений. Но затем это уже взятый в аспекте внутреннего мира субъект переживаний, предстающий не как «оно» и даже не как «вы», а как другое «я», проявляющий эмпатию к любящему, воспринимающий его любовь как то, что тревожит, и его личность как ценность, утрата приобщения к которой вызывает печаль.

Сфера субъекта ценностного отношения, первоначально связанная с отношениями во внешнем мире (см. выше толкования ситуаций, представляемых единицами «безмолвно, безнадежно, робость, ревность»), далее раскрывается как внутренний мир, углубляясь сознанием в который, субъект, расширяя интенциональный горизонт этого мира, становится способным проникнуть во внутренний мир предмета ценностного отношения, воспринять его как личность, полнота которой раскрывается в ее внутреннем бытии, как иное «я», эмпатия к которому такова, что позволяет обнаружить даже скрытые для этого другого «я» его переживания. С другой стороны, субъект становится способным, осознав несвободу не только собственную, но и предмета ценностного отношения, найти в своем интенциональном ядре одну из наиболее глубоких ценностных констант — свободу — и принять решение: дать свободу предмету ценностного отношения и тем самым преодолеть несвободу собственную. Полнота бытия (и именно внутреннего) предмета любви — вот что открывается субъекту, вот что становится его главной заботой, причем в первую очередь его интенции направлены на то, чтобы дать полноту свободы предмету любви.

Субъект, расширив интенциональный горизонт своей внутренней сферы, свободно проникает во внутренний мир предмета любви. Он свободно — по внутреннему побуждению принимает решение дать свободу той, кого любит. И вслед за тем свободно совершает акт признания. Он свободно конституирует наиболее значимые ценности и свободно приобщается к ним. Ценности эти: внутренний мир субъекта и предмета любви; полнота бытия (своего и предмета любви), обретаемая именно во внутреннем мире; свобода, самотождественность в том качестве, которое возникает именно в данном тексте, и, наконец, любовь — в том модусе ее бытия, который здесь раскрывается.

Приобщение к этим ценностям и дает возможность преодоления коллизии, представленной в данном тексте, и в целом катастрофизма любви и обретения состояния катарсиса. Так осуществляется «спасение индивидуальности через жертву эгоизма».

Парадоксальным образом при этом осуществляется взаимное дополнение субъекта и предмета ценностного отношения. Субъект, раскрыв в признании свое чувство в данном его качестве, дает возможность внутренней сфере предмета ценностного отношения приобщиться к этому чувству. Но главное, бытие предмета любви

восполняется субъектом через предоставляемую ему свободу. В то же время, интуитивно приобщившись к ее внутреннему миру, через внутреннее созерцание ее тревоги и печали он получает представление (столь необходимое ему) о ценности своей личности, своего внутреннего мира, своего чувства. Совершая поступок признания, оборачивающегося отречением от предмета любви во внешнем мире, он обретает полноту свободы, самождественности, полноту актуализации ценностных констант, приобщения к наиболее значимым ценностным феноменам, полноту самоконституирования, полноту катарсиса, преодоления и катастрофичности ситуации, и тривиальных путей ее разрешения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. — М.: Наука, 1986. — С. 80–160.
2. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или философия любви в России. — М.: Прогресс, 1991. — С. 232–265.
3. Вышеславцев Б.П. Достоевский о любви и бессмертии // О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли. — М.: Книга, 1990. — С. 398–406.
4. Гинзбург Л. О лирике. — М.-Л.: Советский писатель, 1964. — 382 с.
5. Ильин И.А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. — М.: Русская книга, 1994. — С. 277–380.
6. Лосский И.О. Ценность и бытие. — Харьков: «Фолио». Москва: «Аст», 2000. — 861 с.
7. Соловьев В.С. Смысл любви // Русский Эрос, или философия любви в России. — М.: Прогресс, 1991. — С. 1976.
8. Франк С.Л. Светлая печаль // Пушкин в русской философской критике. — М.: Книга, 1990. — С. 465–481.
9. Франк С.Л. Религия любви // Русский Эрос, или философия любви в России, — М.: Прогресс, 1991. — С. 401–414.